

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ им. М.В. Ломоносова

На правах рукописи

**Мира Борисовна
БЕРГЕЛЬСОН**

**ПРАГМАТИЧЕСКАЯ И СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ
МОТИВИРОВАННОСТЬ ЯЗЫКОВОЙ ФОРМЫ**

Специальность 10.02.19 – Теория языка

**АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
доктора филологических наук**

М о с к в а 2005

Работа выполнена на кафедре лингвистики и межкультурной коммуникации
факультета иностранных языков Московского государственного университета им.
М.В. Ломоносова

Официальные оппоненты:

доктор филологических наук, член-корреспондент РАН

Татьяна Михайловна Николаева

доктор филологических наук

Сандро Васильевич Кодзасов

доктор филологических наук

Михаил Львович Макаров

Ведущая организация:

Институт лингвистики Российского государственного гуманитарного
университета (Москва)

Защита состоялась 9 февраля 2006 г. в 15 часов на заседании диссертационного
совета Д 002.006.03 по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора
филологических наук при Институте языкознания РАН (Москва, 125009, Б.
Кисловский пер., 1/12).

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Института языкознания РАН

Автореферат разослан 26 декабря 2005 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета, к.ф.н.

А. В. Сидельцев

Общая характеристика работы

Реферируемая диссертация посвящена разработке интегрального подхода к описанию различных аспектов языковой структуры и функционирования языка с точки зрения их прагматической интерпретации. Метод *прагматической интерпретации* в принципе может быть применен ко всем видам языковой формы. В рамках данной диссертации в этом ключе рассмотрены лишь некоторые, хотя и весьма разнообразные, фрагменты языковой структуры.

Лексическая система (словарь), грамматические структуры и правила употребления языковых единиц в значительной степени мотивированы социокультурным и историческим опытом носителей языка. В данной работе на разнообразных примерах, взятых из языков различного строя, анализируются природа и характерные особенности такой мотивированности.

В области грамматики демонстрируется, как грамматические конструкции и маркеры отражают прагматически значимые и/или культурно специфичные смыслы.

В области языкового употребления, в дискурсе, рассмотрению подвергаются особенности дискурсивных жанров и стилей, дискурсивные маркеры, другие дискурсивные характеристики, показывающие многогранную зависимость языковой формы от прагматики – *человеческого опыта, знаний, ценностей, норм и установок, правил, регулирующих поведение.*

Одной из центральных дихотомий языка является соотношение между языковой структурой и коммуникативным процессом. Это соотношение принимает форму различных противопоставлений: стабильных значений, зафиксированных в лексике или грамматике, и текущих значений, приписываемых в конкретном акте коммуникации; хранимых (производных) или конструируемых (производимых) значений; представления и процесса; языка и коммуникации; языковой структуры и дискурса.

Все эти противопоставления суть различные ипостаси двух важнейших функций языка – коммуникативной функции и гносеологической функции хранения знаний и накопления опыта. То, что отражено в лексико-грамматической структуре языка есть фиксация – с целью последующего хранения и использования в качестве готового «шаблона» – прагматической значимости тех существующих в реальности противопоставлений, релевантность которых столь высока, что они закрепились как постоянные и стабильные значения в языковой (лексической, грамматической или семантической) структуре для оптимизации коммуникативных взаимодействий.

Помимо указанной дихотомии другой важнейшей характеристикой языка является противопоставление собственно Языка как универсальной для Homo Sapiens когнитивной способности и множества языков мира, в которых, собственно, и реализуются и коммуникативная функция и функция хранения знаний.

Коммуникативная функция конкретного языка реализуется как совокупность действий универсальных когнитивных механизмов, ограниченных культурно специфичными фильтрами. При этом два центральных противопоставления – между универсальной языковой компетенцией и формой конкретных языков – с одной стороны, и языковой формой и коммуникативными процессами – с другой, находятся в сложном взаимодействии друг с другом.

Когнитивные факторы определяют устройство Языка и основные принципы интеракции между людьми. В конкретных языках это опосредуется социокультурными факторами, причем влияние последних на языковую форму с неизбежностью включает элемент случайности, характерный для любого эволюционного процесса. (Помимо влияния собственно культуры важную роль играют языковые контакты, исторические особенности жизни этноса и многое другое). Поэтому попытки увидеть в лексике и грамматике языка прямое воздействие социокультурных факторов могут оказаться весьма спекулятивными. Более естественным и верифицируемым является обращение к дискурсу, так как в рамках дискурсивного события, при описании дискурсивных явлений, речь часто идет не о правилах, а о стратегиях, использование которых дает коммуникантам бóльшую свободу выбора. Тем самым влияние прагматических, в том числе – социокультурных – факторов на языковую форму становится более наглядным и доказуемым. Вне дискурса языковые формы и конструкции несут на себе – как на моментальном фото – застывшие отпечатки действия обоих механизмов (собственно когнитивного и социокультурного), но их реальное взаимодействие очевидно именно в дискурсивном событии.

Цель настоящей работы состоит в том, чтобы выделить основные типы прагматической мотивированности, показав их разнообразие и описав *типологию мотивированности*, параметрами которой являются: с одной стороны – функциональные контексты коммуникации, с другой стороны – типы знаний: универсальные знания о мире, культурные модели, индивидуализированные сценарии.

Для достижения этой цели в диссертации ставятся следующие **задачи**:

Разработка общей теоретической модели прагматической мотивированности языковой формы

Разработка модели коммуникативных функций языка на основе прагматически релевантных целей коммуникантов

Функциональный анализ языковой формы методом прагматической интерпретации и сопоставления прототипических признаков конструкций и канонических ситуаций действительности

Описание прагматической и социокультурной мотивированности репрезентативных дискурсивных жанров, форматов коммуникативных взаимодействий и фрагментов языковой структуры.

Актуальность данного диссертационного исследования определяется тем, что в исследовании рассматриваются проблемы, находящиеся в самом центре интересов современной теоретической лингвистики, при том, что лежат они на стыке когнитивной лингвистики, психологии, культурологии и исследований по коммуникации. В течение длительного времени прагматика была для лингвистики маргинальной дисциплиной. Это связано с идеологической доминантой лингвистики XX-ого века – границей, которую Соссюр провел между знаком и миром, с одной стороны, и знаком и мышлением, с другой. Прагматика как наука о контекстах языковых знаков, влияющих на их употребление, оказалась фрагментированной, так как изучала контексты по разные стороны «языковой зоны» – со стороны мышления и со стороны реалий коммуникативных взаимодействий. Пресуппозиции, конвенциональные импликатуры, энциклопедические знания являлись предметом исследования когнитивно-ориентированной прагматики, а импликатуры дискурса, правила коммуникативного взаимодействия в диалоге, виды иллюкций – коммуникативно-ориентированной прагматики.

Однако есть два важных обстоятельства, которые делают задачу интегрального подхода к прагматическим аспектам языка крайне актуальной. Во-первых, это распространившиеся исследования дискурса как самостоятельного языкового уровня, и во-вторых, признание важности и вездесущности культурного знания. Именно для анализа дискурсивных единиц нужны пресуппозиции и импликатуры, которые не работают ни на уровне слов, ни на уровне предложений. И именно в дискурсе выступает обусловленность этих когнитивных факторов параметрами коммуникативного взаимодействия. Точно так же, знания о мире, этот «когнитивный фон» языка, в реальном дискурсе оказывается бессильным без опоры на социокультурные контексты данного коммуникативного взаимодействия.

Поэтому интегральный подход к прагматике как всей совокупности когнитивных и коммуникативных контекстов, в которых происходят дискурсивные события и в рамках которых они только и могут быть проинтерпретированы, чрезвычайно актуален.

Научная новизна данного диссертационного исследования связана с постановкой задачи интегрального описания прагматической мотивированности

языковой формы в ее различных видах. При этом существенно, что в фокусе внимания находятся:

- соотношение универсального и культурно-специфичного знания и их взаимодействие в коммуникативном процессе;
- соотношение текущих и стабильных противопоставлений, реализуемых в языковой форме;
- дискурсивные события как интеракции лингвокультурных моделей языковые формы как результат коммуникативного выбора говорящего, наложенного на языковые правила.

В исследовании последовательно выражены когнитивно-дискурсивная и функционально-типологическая перспективы анализа данных.

К основным теоретическим **результатам** исследования относятся:

- формулировка интегрального подхода к прагматике
- формулировка принципа прагматического контроля
- модель описания дискурсивного жанра личного рассказа и информационного диалога
- создание модели исходных и производных пропозициональных структур для действий и состояний
- очерк нарративной традиции современных северных атабасков
- описание процессов грамматикализации в языке бамана и пропозициональной деривации в сванском языке

Материал исследования составляют в основном данные русского и английского языков, но также привлекаются первичные данные полевых исследований языков и культур в различных регионах. Для данной диссертации, в частности, использовались материалы, собранные автором во время полевой работы на Северном Кавказе (1973, 79-83 годы), на Камчатке (1978 год), в Туве (1986 год), в Закавказье (1988-89 годы), на Аляске (1997, 2001 годы). Помимо русского и английского языков в той или иной степени в диссертации представлены примеры из следующих языков: бамана (семья манде, Западная Африка), сванского (картвельская семья, Грузия), чамалинского и табасаранского (нахско-дагестанская семья, Дагестан).

В диссертации, помимо общего метода прагматической интерпретации, имитирующего реальные процессы интерпретации в дискурсе, используются различные **методы** научного исследования в каждом случае, выбираемые с учетом поставленных задач и языкового материала. В большинстве случаев используется **корпусный** метод, основанный на анализе достаточно большого объема естественного дискурса и выявлении доминирующих моделей (см. Главы 1, 2, 3). Во

многих случаях полевой работы с носителями языка применяется метод **экспериментальной проверки**, когда носитель должен оценить предлагаемую ему конструкцию как правильную или неправильную и/или предложить свою интерпретацию и/или контекстуализацию. Также при исследовании культурно-специфичных видов знаний используется метод **ошибок контекстуализации**.

Практическая ценность предлагаемой диссертации состоит в том, что на основе предлагаемой общей концепции и отдельных исследований возможно создание различных приложений, в частности систем формализованной интерпретации дискурса. Результаты анализа данных сванского языка и языка бамана могут быть использованы в практических грамматиках этих языков. Описание лингвокультурных моделей, лежащих в основе нарративной традиции атабасков может способствовать более эффективной межкультурной коммуникации на рабочем месте, в образовательных и институциональных контекстах между представителями традиционных и современных постиндустриальных культур, а также быть использовано для сохранения угрожаемых языков или для попыток языкового возрождения.

Результаты данного исследования могут быть использованы при подготовке учебных пособий и курсов по (кросс-культурной) прагматике, типологии пропозициональной деривации, модальности, частей речи.

Апробация работы состоялась в ходе неоднократных докладов на научных конференциях и семинарах (в Москве, С.-Петербурге, Ростове-на-Дону, Хельсинки, Мальме, Париже, Логроньо, Юджине, Анкоридже, Фэрбенксе, Беркли и др.), а также отражена в 25 работах по теме диссертации общим объемом более 20 печатных листов. К печати подготовлена монография «Прагматическая мотивированность грамматических конструкций», составляющая более 10 а.л. Кроме того, начиная с 2002 года на факультете иностранных языков и регионоведения МГУ автором читается курс «Основы теории межкультурной коммуникации», спецкурс «Кросс-культурные исследования дискурса», ведутся практические занятия по кросс-культурной коммуникации. Под руководством автора был выполнен целый ряд курсовых и дипломных работ по темам, близким к рассматриваемым в диссертации.

Структура диссертации определяется спецификой поставленных задач и разнообразием языкового материала, на котором они решаются.

Диссертация состоит из Введения, двух частей, Заключения, четырех Приложений и библиографии.

Во Введении, представляющем собой вводную теоретическую часть диссертации, обсуждаются центральные для данного подхода общетеоретические проблемы современной лингвистики: проблема многозначности, типов знаний и

контекстов, коммуникативных функций языка, культурно обусловленной коммуникативной компетенции. Деление диссертации на две части содержательно обусловлено различиями в том, как прагматическая мотивированность проявляется в дискурсе (1-ая часть) и в языковой структуре (2-ая часть).

Первая часть диссертации «Прагматическая и социокультурная мотивированность языковой формы в дискурсе» состоит из трех разделов.

Первый раздел посвящен информационному дискурсу. В 1-ой главе **«Дискурсивные стратегии и формирование пропозициональной структуры в диалоге»** рассматриваются дискурсивные стратегии, модифицирующие свободный информационный диалог (СИД), на материале газетных интервью и обучающих диалогов.

Второй раздел посвящен нарративам как типу изложения и гипержанру и его основной устной разновидности – личным рассказам. Во 2-ой главе **«Социокультурная мотивированность нарративов: анализ личных рассказов»** дается типология нарративов, выявляется и описывается культурная модель, мотивирующая способы представления информации в личных рассказах. В 3-ей главе **«Кросс-культурный анализ нарративной традиции северных атабасков»** в рассмотрении вовлекаются англоязычные рассказы индейцев Аляски. Социокультурные модели, мотивирующие содержательную и формальную организацию их устных рассказов, анализируются на фоне европоцентристской нарративной традиции.

Третий раздел Первой части посвящен специальным видам коммуникативных взаимодействий, становящихся все более и более распространенными в современном мире, а именно – коммуникации в виртуальном пространстве и межкультурной коммуникации.

4-ая глава **«Конструирование адресата в электронной коммуникации»** рассматривает отличительные черты виртуального электронного дискурса, мотивированные его особыми коммуникативными условиями. В 5-ой главе **«Межкультурная коммуникация как интеракция лингвокультурных моделей»** проблема интерпретации в межкультурных контекстах описывается как адаптация релевантных культурных моделей участников и производится типологизация коммуникативных неудач.

Вторую Часть диссертации **«Прагматическая и социокультурная мотивированность лексико-грамматических структур»** составляют главы, в которых грамматика языка рассматривается с точки зрения того, как прагматические факторы влияют на форму и функции лексико-грамматических конструкций и категорий в разных языках.

В главе 6 **«Прагматические основания выделения частей речи в языке изолирующего типа»** анализируется материал изолирующего языка бамана, в котором противопоставление имен и глаголов во многом определяется

противопоставлением событий и объектов в прототипической картине мира. Также на материале этого языка рассматриваются процессы грамматикализации и грамматической метафоры, мотивированные прагматическим принципом антропоцентризма языка и центральностью человеческого тела для концептуализации абстрактных понятий через конкретные.

Глава 7 «**Прагматические основания базовых конструкций и пропозициональных структур**» посвящена различным аспектам формирования пропозициональных структур, лежащих в основе предикаций – базовых дискурсивных единиц. Речь идет о таких составляющих пропозициональной структуры, как предикат, актанты, семантические роли, исходная структура и пропозициональные деривации.

Глава 8 «**Прагматическое понятие контроля и механизмы модальности**» посвящена прагматическим основаниям модальности. В частности, рассматриваются различные типы побуждения как специфической иллокуции. Вводится понятие прагматического контроля, которым обладает говорящий или субъект побуждения, и предлагается основанная на нем иерархия побудительных конструкций. Описываются базовые противопоставления в сфере модальных значений, а также (на материале русского и дагестанских языков) модальные конструкции со значением возможности и необходимости, для которых также релевантно понятие прагматического контроля. Особое внимание уделяется эвиденциальности как отражению степени контроля говорящего за содержанием речемыслительной деятельности внутреннего локутора.

Ниже излагается основное содержание работы.

Часть 1. Прагматическая и социокультурная мотивированность языковой формы в дискурсе

Первая часть данной диссертации посвящена объяснительным описаниям языковой формы с точки зрения тех имплицитных знаний, контекстов и принципов, регулирующих коммуникацию, которые влияют на способы вербализации в дискурсе. Эти знания, контексты и принципы, не составляя собственно смысл, подлежащий выражению, тем не менее существенно влияют на результирующую форму языковых конструкций. При всем бесконечном многообразии способов выражения мыслей, которые дает язык его носителю, при всей свободе, которой обладает говорящий в дискурсе по сравнению с жесткостью морфологических и синтаксических правил, формальная организация дискурса в каждой конкретной его точке – как при создании, так и при интерпретации смыслов – не случайна и во многом мотивирована внешними по отношению к значению языковых единиц факторами.

При этом под языковой формой в дискурсе понимаются как особенности его микроструктуры: используемые иллокутивные категории, структура реплики,

самоисправления говорящего и т.п., так и форма, которую принимает макроструктура: особенности нарративной схемы, чередование типов изложения, совмещение дискурсивных модусов, особенности реализации дискурсивных жанров.

1. Процессуальная составляющая дискурса как интерпретативного, контекстно обусловленного взаимодействия посредством системы символов состоит в (ре)конструировании смыслов участниками взаимодействия. Успех этого взаимодействия в значительной степени зависит от степени совпадения их культурно обусловленной коммуникативной компетенции.

Другими словами, дискурсивные взаимодействия невозможны без различных видов знаний, которыми обладают участники этих взаимодействий. Под культурно обусловленной коммуникативной компетенцией (ККК) как раз и понимается эта сложным образом структурированная совокупность знаний, или типов *хранимой* информации. В ККК входят знания о мире (энциклопедическая информация, языковая картина мира, совокупность нарративных воспоминаний, образующих личный опыт индивидуума), знания правил дискурсивных взаимодействий и собственно знания языка.

Существенную часть знаний о мире составляют культурные модели – кванты социокультурного знания, включающие определенную предметную область данной культуры и сценарий ее реализации.

Знания правил дискурсивных взаимодействий включают в себя основные принципы, регулирующие коммуникацию – Кооперации и Вежливости, а также знания об использовании конкретного дискурсивного жанра в зависимости от внешнего контекста ситуации общения, то есть, первое – умение выбрать правильный дискурсивный жанр в зависимости от внешнего контекста и второе – соблюсти требования выбранного дискурсивного жанра. Сколь важны эти умения показывают следующие цитаты из основополагающего для дискурсивных исследований труда М.М. Бахтина: «Научиться говорить – значит научиться строить высказывания ...

Мы говорим разнообразными жанрами, не подозревая об их существовании ... Эти речевые жанры даны нам почти так же, как нам дан родной язык ...

Если бы речевых жанров не существовало <...> речевое общение было бы почти невозможно.»¹

В дискурсе все эти типы знаний, образующие ККК, выступают как фон, на котором происходит создание и интерпретация смыслов и выражение их в конкретно-языковой форме. То есть ККК и сами знания являются одним из контекстов

¹ Бахтин М. М. Проблема речевых жанров. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство. 1979, с. 237-280.

коммуникативного события наряду со всеми прочими (физическими, психологическими, социальными) контекстами текущей ситуации.

Помимо контекстных знаний и знаний контекстов, влияющих на интерпретацию того, что происходит в дискурсивном взаимодействии в данный момент, результирующая форма зависит от действия универсальных принципов представления информации в языковой форме:

Принцип *Приоритета* в отношении к значимым компонентам смысла регулирует способы оформления прагматически важной информации с помощью приоритетных стратегий. Прагматически важная информация при вербализации получает коммуникативно выделенное (более развернутое, грамматически престижное) оформление. А прагматически менее важная информация – редуцированное и ослабленное. Этот принцип основан как на стабильных (существующих в картине мира), так и на текущих, характеризующих данное дискурсивное взаимодействие, параметрах важности информации. Соответственно, будут задействованы абсолютные или же ситуативные приоритетные стратегии. Так, в культурной модели ПОХОД В ТЕАТР пьеса, игра актеров и качество постановки более важны, чем, скажем, униформа гардеробщика или цвет кресел в зрительном зале. Однако в конкретной беседе в рамках этой модели именно эти детали могут оказаться прагматически важными и мотивировать выделенное, маркированное, оформление этой информации лексическими, грамматическими, интонационными или другими пара- и невербальными средствами.

Принцип *Маршрутизации* информации основан на универсальных законах человеческого восприятия, категоризации и интерпретации информации. Для того, чтобы новая информация могла быть воспринята и понята, она должна выступать на фоне уже известного, категоризованного. В дискурсивных взаимодействиях этот принцип определяет то, как участники представляют информацию с точки зрения противопоставлений Известное ~ Неизвестное, Данное ~ Новое. Стратегии, реализующие эти противопоставления, это не только механизмы актуального членения, но и референция и номинация, артикли, интонационные контуры высказывания и многое другое.

Принцип *Линеаризации* информации связан с необходимостью разрешения объективного противоречия между принципиальной нелинейностью смысла и линейным разворачиванием информации в письменном тексте или устном дискурсе. Успехи нейрофизиологии в изучении нейронных сетей позволяют предположить, что смыслы, значения, знания организованы в не менее сложные, чем нейронные, также многомерные, сетевые структуры. В дискурсе они предстают в виде линейной

последовательности звуков или букв². Принцип линеаризации приводит в действие стратегии, также обычно относимые к актуальному членению, хотя в основе их лежит другая мотивация.

Действие принципов Маршрутизации и Линеаризации особенно хорошо видны в устном дискурсе. Различного вида коррекции, выражающиеся как паузы, обрывы, хезитации, возвраты, изменения первоначального плана изложения, повторы в описаниях, уточнения, есть проявления этих принципов.

Итак, прагматическая мотивированность языковой формы в дискурсе связана с необходимостью и потребностью участников коммуникации согласовывать способ вербализации с релевантными для данного контекста (фоновыми) знаниями, составляющими социокультурный опыт дискурсивной группы, индивидуальным опытом, текущим контекстом, основными принципами регулируемыми коммуникативную деятельность и языковую структуру (принципы Приоритета, Маршрутизации и Линеаризации информации), а также более частными прагматическими принципами, характеризующими информирующую и интерактивную функции языка (принципы Кооперации и Вежливости, соответственно).

2. Типология коммуникативных контекстов соотносит контексты с дискурсивными жанрами. Дискурсивные жанры и коммуникативные контексты во многом взаимно определяемы. Поэтому их независимые классификации будут либо противоречивы, либо неполны. Возможная типология основана на выделении параметров, в том или ином виде релевантных для каждой категории. Параметры представляют собой шкалы и актуальны, в первую очередь, для макроуровня описания. (Последнее, в отличие от микроуровня, оперирует не грамматическими или лексическими категориями, но структурой реплик, типами речевых актов, пресуппозиций и выводного знания и т.п.) Типологизации подвергаются, в первую очередь, различные виды фоновых знаний, необходимых для успешного дискурса.

Одной из центральных проблем лингвистически ориентированных исследований коммуникации является проблема внешнего контекста, или формата: в сфере межличностных отношений, или бизнеса, образования, политики; в институциональном контексте организаций, или в бытовом повседневном (сервисном, социальном, или профессиональном) общении. Шкальные параметры, характеризующие дискурсивные жанры, позволяют описать в этих терминах и коммуникативные контексты. Тем самым они могут быть поставлены в соответствие друг другу, образуя кластеры. Данные кластеры являются основой для более

² В этом изложении, к сожалению, приходится пренебрегать такими симультанными аспектами, как сопровождение речи жестами и мимикой, визуальная и паравербальная информация.

подробного описания конкретных видов и разновидностей дискурса, а также служат основой для выделения *дискурсивных сообществ*³.

Дискурсивное сообщество может быть описано как кластер, получающийся наложением двух типологий (классификаций): коммуникативных контекстов и соответствующих дискурсивных жанров и является лингвистическим аналогом понятий «субкультура» или «группа», используемых в социокультурных исследованиях коммуникации. Дискурсивное сообщество недостаточно характеризовать только на уровне макроструктуры контекстов или жанров. Оно определяется как предпочтительностью тех или иных кластеров, так и особенностями микроструктуры дискурса.

Структура Первой части диссертации отражает ее главную задачу: описать – в том числе и на уровне микроструктуры – достаточно репрезентативные дискурсивные жанры, которые бы демонстрировали различные аспекты мотивированности формальной и содержательной организации дискурса прагматическими и социокультурными контекстами.

Глава 1. Дискурсивные стратегии и формирование пропозициональной структуры в диалоге.

Успехи в области моделирования речевой деятельности в значительной степени связаны с прагмалингвистическим анализом диалогов, относящихся к разным жанрам и регистрам дискурса. При этом исследовательская цель часто заключается в том, чтобы показать, каким образом используемые дискурсивные стратегии соотносятся с тем или иным типом иллокуции – угрозы, упрека, санкции и т.п. Дискурсивные, или коммуникативные, стратегии это инструмент согласования различных коммуникативных функций языка при дискурсивных взаимодействиях, и в первую очередь – согласование функции взаимодействия с адресатом с функциями его информирования, воздействия на него и на мир.

Дискурсивные взаимодействия мотивируются коммуникативными намерениями говорящего (=инициирующего взаимодействие участника). Между намерениями и текстом в его устной или письменной форме неизбежно существует некий промежуточный компонент, границы и функции которого необходимо обозначить. С функциональной точки зрения этот компонент преобразует механизмы целеполагания в единицы языка. На входе имеются коммуникативные намерения (т.е. единицы целеполагания при дискурсивных взаимодействиях), а на выходе – пропозициональные структуры (ПС). ПС это ролевая структура пропозиции со всеми прямо и косвенно связанными с нею атрибутами.

³ См. работы Суэйлса, а также Сколлона и Сколлон.

Дискурсивные стратегии применяются к исходной ПС как абстрактной модели фрагмента знаний и превращают ее в *конкретную информацию*, подлежащую выражению в *конкретной точке* (локальной и темпоральной) дискурсивного взаимодействия в соответствии с коммуникативным намерением говорящего.

Исходной точкой данного описания является тезис о том, что при дискурсивных взаимодействиях коммуникативные намерения говорящего оперируют с имеющейся у него базой данных, и так создается подлежащий выражению смысл. И чем сложнее устроена эта база данных, и чем больше репертуар возможных коммуникативных намерений, тем более сложными оказываются соответствующие когнитивные процессы. Поэтому при попытке реконструкции когнитивных процессов взаимодействия коммуникативных намерений и знаний (=базы данных) было бы естественно рассмотреть такие разновидности дискурса, для которых можно смоделировать либо ограниченное число коммуникативных намерений, либо относительно простую базу данных.

Небольшое количество относительно унифицированных коммуникативных намерений характеризуют так называемый *свободный информационный диалог* (СИД). В СИД-е коммуникативная цель – обмен информацией – реализуется в виде трех типов коммуникативных намерений: намерения получить информацию, намерения сообщить информацию и намерения отказать в сообщении информации. В письменном СИД-е соблюдается разумный баланс между относительно низкой (по сравнению с реальной устной речью) вариативностью языковых выражений и, с другой стороны, небольшим количеством готовых языковых шаблонов-клише или же формульных выражений, характерных для узкой предметной области.

Соответственно, СИД может быть обнаружен в следующих письменных жанрах: интервью, диалоги, дискуссии двух или более лиц на заданную общенаучную, культурную, политическую (иначе – не-бытовую) тему. При этом сам СИД представляет собой прототипическую реализацию коммуникативной функции информирования и степень его проявления в том или ином тексте может быть различной. Реализация СИД в чистом виде (за исключением вопросно-ответных систем) встречается лишь в катехизисах или подобных им жанрах.

Второй вариант – относительно простая база данных – хорошо моделируется на начальных этапах обучения второму языку. При этом обучающий диалог, участниками которого являются Преподаватель и Ученик, во многом напоминает свободный информационный диалог поскольку в нем также имеют место небольшое количество отчетливо выраженных коммуникативных намерений участников и относительно низкая вариативность языкового кода.

Гипотеза состоит в том, что об отходе от прототипического СИД-а сигнализируют различные дискурсивные стратегии, а внутри рамок СИД-а

построение ПС определяется обработкой активированной зоны памяти (базы знаний, словаря), прагматическими принципами Приоритета, Маршрутизации и Линеаризации нелинейных смыслов.

Анализ взаимодействия коммуникативных импульсов, коммуникативных целей и различного рода дискурсивных стратегий, используемых говорящим, показывает, что разнообразие, проявляющееся даже в небольших диалогах, есть реализация нескольких общих принципов дискурсивного взаимодействия. Так, можно выделить две основные стратегии манипулирования собеседником с целью навязывания ему своих оценок: за счет окрашенной номинации (номинативный способ) или за счет апелляции к понятиям, имеющим определенную оценку прямо в стандартной картине мира (сигнификативный способ).

Также на форму реплики влияют дискурсивные стратегии, которыми говорящий пользуется, например, при реализации вопросного коммуникативного импульса.

1. Чем более косвенным является речевой акт, тем он вежливее и больше "бережет лицо" собеседника.

Здесь существует своеобразная иерархия средств, основанная на иконическом принципе: "чем меньше слов, тем прямее вопрос". Ср: Не думаете ли Вы, что.. > полагаете ли Вы, что.. > косвенный вопрос с *ли* > прямой вопрос.

2. Чем обезличеннее источник информации, тем больше степень ее отчужденности от говорящего.

И в этом смысле, видимо, нет иного пути, чем предложенный командующим – в 5-дневный срок разоружить боевиков.

Вводное слово в середине предложения указывает на то, что это оценка, мнение самого говорящего, хотя и высказанное с некоторой долей сомнения, в отличие от, например, безличных *утверждают, ходят слухи*, употребление которых ведет к большей отчужденности информации и меньшей степени ответственности за нее.

3. При возражении собеседнику (что нарушает прагматический Принцип Вежливости) можно отчасти компенсировать это ссылкой либо на его же слова, либо на факт, принимаемый всеми как истинный, либо на общепринятую моральную норму:

Простите, но как объяснить убийство боевиками гражданских лиц?

Да и нападения на армейские гарнизоны оправдать никак нельзя.

В примере подчеркнуты стандартные речевые средства, выражающие противительность. Заметим, что косвенный речевой акт в первом предложении является более замаскированной формой противоречия, чем собственно ассертив во втором.

Когнитивные аспекты практического овладения языком у детей дошкольного и младшего школьного возраста рассматриваются как коммуникативный процесс, на

начальном этапе которого база данных (=знание иностранного языка) отсутствует и формируется в процессе обучения. Эффективное формирование этой базы напрямую зависит от эффективности коммуникативных стратегий, используемых преподавателем.

За исходный принимается тезис о том, что сознательное обучение языку должно по возможности имитировать процесс естественного, "бессознательного", усвоения языка, то есть – быть не осознаваемым. Тогда цель Педагога (П) заключается в создании у Ученика (У) когнитивных мотиваций, которые максимально похожи на когнитивные процессы, лежащие в основе речемыслительных актов на родном языке, и успешными должны считаться такие дискурсивные стратегии П (такие учебные задания), которые способствуют введению новой информации или проверке закрепленности старой, не используя в качестве транслятора (интерфейса) родной язык.

Формирование базы знаний по второму языку есть в некотором смысле глобальный коммуникативный акт, растянутый во времени и разбитый на множество локальных дискурсивных взаимодействий и коммуникативных событий. Сама база представляет собой активированный, а точнее – активируемый – фонд знаний. Он состоит из: типовых ситуаций, представленных соответствующими фреймовыми структурами; из потенциального множества участников; а также из конструкций-клише, являющихся идиосинкретичным для данного языка способом синтаксического отображения основных логических отношений и модусных типов. Дискурсивные стратегии П это способы и методы представления новой информации для максимизации их закрепления в базе.

Коммуникативная цель У заключается в наилучшем усвоении информации, что означает нахождение для нее места в базе знаний. При этом существенны следующие когнитивные операции:

сопоставление по Принципу Похожести участников из релевантного набора (= представленного в данном высказывании) с потенциальным множеством, задаваемым макрофреймом;

сравнение данной предикации с набором конструкций, хранящимся в базе;

сопоставление вычлняемой типовой ситуации, с ситуациями в базе, которые составляют фреймы участников из потенциального множества (учитывается информация, полученная в результате операции 1); то есть, рассматриваются только те ситуации, которые образуют фреймы участников, "близких" к релевантному набору).

Возможные результаты этих операций:

Запоминается новый объект с тем же фреймом, что и у некоторого выбранного на основе Принципа похожести участника из потенциального множества.

Запоминается новый объект и ему приписывается фрейм, соответствующий некоторой ранее известной типовой ситуации.

Запоминается новый объект и ему приписывается новый фрейм, соответствующий ранее не известной типовой ситуации.

Запоминается новая типовая ситуация.

Запоминается новая конструкция

Таким образом обучение второму языку представляет собой коммуникативный процесс, эффективность которого зависит от эффективности дискурсивных стратегий, используемых преподавателем; когнитивный аспект обучения моделируется как формирование, пополнение и обращение к базе данных; дискурсивные стратегии преподавателя направлены на оптимизацию процессов обращения к базе данных и повышение эффективности обработки информации.

В главе 1 мотивированность языковой формы была продемонстрирована действием механизма дискурсивных стратегий. На примере диалогического дискурса (газетные интервью и обучающие диалоги между преподавателем и учеником) было показано, что прагматическая потребность согласования таких коммуникативных функций, как получение информации (информирование) и функции взаимодействия с адресатом, приводит к модификации исходной прототипической структуры прямых вопросов и ответов в высказывания более сложной структуры с помощью дискурсивных стратегий. Дискурсивные стратегии позволяют сделать коммуникацию более успешной и эффективной для каждого типа дискурсивных взаимодействий.

Владение дискурсивными стратегиями составляет неотъемлемую часть культурно обусловленной коммуникативной компетенции членов данного дискурсивного сообщества. Кроме того можно говорить о *профессиональных* дискурсивных стратегиях, необходимых для эффективной деятельности в тех профессиях, которые реализуются посредством определенных типов дискурсивных взаимодействий (например, журналистика и преподавание).

Глава 2. Социокультурная мотивированность нарративов: анализ личных рассказов.

Социокультурная мотивированность нарративов.

Термин «нарратив» принадлежит одновременно многим научным парадигмам. Он и его аналог «повествование» давно используются в лингвистике текста (см. вступительную статью Т.М. Николаевой в 8-ом выпуске НЗЛ), в собственно дискурсивном анализе, в литературоведческих и собственно лингвистических исследованиях. Во-первых – логически и хронологически – нарратив обозначает соответствующий дискурсивный жанр. Во-вторых, один из дискурсивных типов изложения, или типов пассажей, или абзацев.

Функциональная основа существования различных типов изложения опирается на различия коммуникативных функций языка, но отражает более тонкие различия

внутри коммуникативных функций. Типы изложения могут быть следующим образом соотнесены с коммуникативными функциями:

Коммуникативная функция: Информирование адресата

Дескриптивный (описательный) тип изложения

Нарративный (повествовательный) тип изложения

Экспозиторный (объяснительный) тип изложения

Коммуникативная функция: Воздействие на адресата

Директивный (инструктирующий) тип изложения

Аргументативный (убеждающий) тип изложения

Типы изложения представляют собой формы дискурса, гораздо более однородные, чем жанры. Каждый тип изложения имеет характерные, точнее – прототипические, формальные (лексические и морфосинтаксические) признаки. Для нарратива это прошедшее время перфективных глаголов, для директива – формы императива, для аргументатива – модальные предикаты, для дескриптива – стативные предикаты, для экспозиторного изложения – наличие слов с обобщающим значением, не конкретно-референтный статус описываемых объектов. В свою очередь, жанры могут быть описаны как реализации схем сочетания типов изложения в конкретных формах, характерных для данной лингвокультуры.

В рамках информирующей коммуникативной функции нарратив противопоставлен другим типам изложения по тому, к какой информации апеллирует данный тип и какие когнитивные операции с этой информацией производят участники дискурса. Дескриптивный тип изложения направлен на активирование в текущем сознании адресата определенной «картинки» на основе информации, хранящейся в семантической памяти, и с привлечением памяти эпизодической, основанной на личном опыте (*И вот на протяжении многих лет, наверное, десяти лет, мы ездили на Волгу ... в район её истоков. Там находится много озёр... и на одном из этих озёр мы очень любили отдыхать ... озеро Волго. Туда ездят и дикарями, и на туристические базы...*). В отличие от дескриптивного дискурса, экспозиторный дискурс оперирует энциклопедической информацией, хранящейся в семантической памяти (*Давно известно, что ягоды черники значительно улучшают зрение в сумерках, усиливают остроту зрения, обеспечивают увеличение поля зрения и уменьшают усталость глаз. Доказано, что черника ускоряет обновление сетчатой оболочки глаз*). И наконец, нарративный тип изложения оперирует информацией, относящейся к эпизодической памяти. В одной из самых известных книг по исследованию нарративного дискурса, которая до сих пор является методологической основой многих исследований, Уильям Лабов дал такое определение нарративу: “We define narrative as one method of recapitulating past

experience by matching a verbal sequence of clauses to the sequence of events which (it is inferred) actually occurred”⁴.

Таким образом, существуют два понимания термина нарратив – как жанра, охватывающего многие разновидности и как типа дискурсивного изложения. В реферируемой диссертации этот термин употребляется в первом понимании, когда речь идет о выделении различных типов рассказов – типология нарратива, и во втором, когда в процессе анализа *личных рассказов* речь анализируются функции и характеристики нарративного типа изложения. Вместе это позволяет дать более узкую, специфицированную трактовку речевым (дискурсивным) жанрам как упорядоченной схеме шагов-компонентов, воплощенных в виде конкретных типов дискурсивных пассажей, характеризующей своей коммуникативной ситуацией: целью, участниками и другими видами контекстов.

Более узкое понимание дискурсивных жанров позволило достичь, как минимум, четырех целей: изучить стоящие за ними культурные модели, получить дополнительные и более надежные основания для классификации дискурсивных жанров, выработать адекватные формы представления знаний в части культурных моделей, и накопить кросс-культурный материал, который может быть объектом сравнения и изучения.

Рассказы об опасных случаях

Личные рассказы как дискурсивный жанр отличаются особой структурой и режимом интеракции. Они представляют собой такую разновидность нарративов, в которой конкретные события вводятся в дискурс с точки зрения рассказчика и его индивидуального знания, на фоне и в сопоставлении с социокультурным знанием. (В отличие от, например, таких нарративов как мифы или отчеты). Как следствие этого, в них всегда выражена точка зрения рассказчика, его оценка той или иной ситуации. Нарратив это объективизированное описание рационального мира. Пропущенное через личное, эмоциональное восприятие человека, это описание становится рассказом.

Смысл рассказывания заключается в том, чтобы внести в имеющуюся у аудитории лингвокультурную модель новую информацию, которая может быть воспринята только на основе сравнения с этой моделью, но при этом должна содержать в себе нечто такое, что эту модель развивает. Иначе рассказ не состоится

⁴ Мы определяем нарратив как способ воссоздания прошлого опыта путем соотнесения вербальной последовательности предикаций с последовательностью событий, которые (как предполагается) имели место в действительности. (Пер. мой – М.Б.) – см. W. Labov. Language in the inner city: studies in the Black English vernacular. Philadelphia. 1972, p. 359-360.

как событие, и рассказчик потерпит коммуникативную неудачу. Это очень хорошо сформулировано в статье Уоллеса Чейфа “Some things that narratives tell us about the mind”, где он пишет о том, что наш когнитивный аппарат не просто отражает, но создает свои собственные модели мира. Мозг обладает специальными программами для этой моделирующей деятельности, и в то же самое время он прекрасно приспособлен для того, чтобы реагировать на сигналы, которые вступают в противоречие с его запрограммированными ожиданиями. Без этого наступает скука.

Материалом для анализа послужили устные личные рассказы о ситуации смертельной опасности, рассказанные молодыми москвичами. Анализ дискурсивного события «личный рассказ» производился с позиции слушающего, или интерпретатора. Это связано с ориентацией на выявление лингвокультурных моделей, то есть определенных видов социокультурно обусловленных знаний, в значительной степени разделяемых участниками дискурсивного события. Та или иная позиция, или перспектива, говорящего или слушающего есть в значительной мере необходимая условность, принимаемая в целях удобства изложения. Если бы было возможным симулировать реальные процессы дискурсивного взаимодействия, то процессы производства и интерпретации дискурса были бы в них неразрывно связаны.

Анализ более 40 рассказов, из которых 26 были рассказаны представителями целевой группы молодых москвичей, показал:

- Тематически молодые москвичи чаще всего связывают опасность с водой и плаванием; на втором месте стоят дорожно-транспортные происшествия, в которых рассказчик участвовал как пешеход; пожилые люди вспоминают войну.

- Наиболее «выпуклым» элементом лингвокультурной модели «Опасное событие» являются идеи внезапности, неподготовленности и прерыва постепенности, связанные со страшным происшествием. Эти идеи всегда получают в рассказе оценочно нагруженное выражение.

- Наиболее частые стратегии рассказчиков связаны с подчеркиванием идеи случайности и внезапности наступления ситуации, а также ее благополучного исхода, с признанием отсутствия внутренней логики и причинно-следственных связей в наступлении опасной ситуации, с отстраненностью сознания и рефлексиирующим выходом из мира нарратива в кульминационный момент. Эти стратегии также всегда реализуются в виде оценочно нагруженной формы.

- С точки зрения формальной организации рассказов, устанавливаются соответствия между изменениями темпа речи, повторами, лексическими и интонационными изменениями – с одной стороны, и отдельными частями культурной схемы и нарративной схемы рассказа – с другой.

В результате анализа были сделаны следующие выводы:

Оценочный компонент превращает нарративный дискурс в рассказ

Оценочный компонент в структуре личного рассказа составляет существенную часть лингвокультурной модели

Лингвокультурные модели являются важной частью культурно обусловленной коммуникативной компетенции

Личные рассказы представляют собой дискурсивный жанр, реализующийся на базе специфических лингвокультурных моделей участников дискурсивного события

Социокультурная мотивированность языкового оформления личных рассказов определяется содержанием соответствующей лингвокультурной модели; для рассказов об опасности это представления о нарушении нормального порядка вещей, которые иконически отражаются в формальных признаках данного дискурсивного жанра.

Глава 3. Кросс-культурный анализ нарративной традиции северных атабасков

Атабаскские языки образуют одну из крупнейших языковых семей Северной Америки. К северным атабаскам относятся группы коренных обитателей Америки, говорящих на этих языках и проживающих на территории Аляски и Канады. В этой главе дается описание того, как традиции устного повествования, присущие культуре атабасков Аляски, влияют на понятийную структуру и формальную организацию их современных бытовых рассказов на английском языке и отличают их от аналогичных дискурсивных форм в англоамериканской культуре.

Когда речь идет о языке L1 и исходно присущей ему культуре C1, то трудно, а подчас и невозможно определить с феноменом какого уровня мы имеем дело – лингвистическим правилом или культурно обусловленной стратегией. В случае с «перемещенной культурой» сама утрата языка (или каких-то его функций) позволяет увидеть вещи в другом свете. В этой ситуации можно рассматривать культурные стратегии и языковые правила независимо друг от друга и ставить вопросы о влиянии культуры на содержание и организацию дискурса.

Материалом для данного исследования послужили устные личные рассказы на английском языке коренных жителей внутренней Аляски, представителей атабаскской группы народов и языков. Более точно, речь идет о верхнекускоквимском языке (далее – ВК) обитателей села Николай, штат Аляска. В терминах, введенных выше, ВК выступает как язык L1, английский язык – L2, а рассматриваемый культурный компонент C1 – это традиция устного нарратива северных атабасков, принципиально отличающаяся по многим параметрам от нарративной традиции языков «среднеевропейского стандарта». Исходя из того, что противоречия (несоответствия) между английским языком нарратива и атабаскской нарративной традицией должны проявляться в дискурсивных стратегиях, были поставлены следующие исследовательские вопросы:

Имеют ли рассказы атабасков, рассказанные ими на английском языке, какую-либо специфику в их формальной организации, которая отличала бы их от рассказов в рамках нарративной традиции англо-американской культуры?

Есть ли у них какие-либо формальные сходства со структурой атабаскских рассказов на языке данной культуры (в данном случае – верхнекусковимском языке)?

Есть ли различия в организации смыслов?

Какие культурные темы доминируют в атабаскских рассказах на английском языке?

В какой степени возможно понимание рассказов чужой культуры, подчиняющихся «чужим» дискурсивным стратегиям?

Таким образом, в задачи данного исследования входило изучение формы, смысловой организации, коммуникативных функций личных и бытовых рассказов атабасков (основной корпус это рассказы о пережитой опасности), а также – специфики межкультурной коммуникации, в контексте которой происходили сбор и интерпретация данных. Для решения этих задач были использованы следующие методы:

Дискурсивный анализ личных и бытовых рассказов на основе выделения оценочного и других компонентов в структуре рассказов. Причем при анализе содержания особое внимание уделялось культурно значимому (*culturally salient*) материалу. Это означало необходимость определения рекуррентных дискурсивных тем, выявления и описания культурных моделей, лежащих в их основе, а также соответствующих концептуальных метафор. Выявление этих моделей также способствовало пониманию того, что является смыслом (*point*) рассказывания историй в данной нарративной традиции и что делает рассказ успешным.

Анализ контекстуализационных сигналов (*contextualization clues*) и ситуационный анализ коммуникативных неудач, основанных на неверной контекстуализации, что необходимо для интерпретации «чужих» рассказов в ситуации межкультурного взаимодействия.

Структура данной главы определяется поставленными задачами. Сначала дается краткий очерк условий жизни и истории верхнекусковимцев, затем описаны основные черты жизненного уклада такие, как охота для пропитания и связанный с ней годовой цикл постоянных перемещений по территории обитания группы. Именно эти факторы лежат в основе *иерархии культурных моделей*, или – *культурных стратегий*, которые мотивируют поступки каждого отдельного представителя культуры, а также образ и стиль жизни сообщества в целом. Иерархически организованные культурные модели и возникающие на их основе стратегии мотивируют в том числе и коммуникативное поведение, то есть являются моделями коммуникативного поведения. Нарративная традиция данной культуры является одним из важнейших видов коммуникативного поведения и, в свою очередь,

также зависит от иерархии базовых культурных моделей. Это проявляется в особых стратегиях построения нарратива.

Далее в главе описывается роль нарративов в традиционно бесписьменной культуре северных атабасков, формальная организация рассказов как дискурсивного жанра, характеризующего данную культуру, анализируются наиболее значимые культурные модели (СЕМЬЯ, ОХОТА, ПУТЕШЕСТВИЕ), определяющие тематику рассказов, их семантическую связность и прагматическую мотивированность.

Главный вывод относительно формальной организации современного атабасковского англоязычного рассказа заключается в отсутствии трехчастной композиции, характерной для нарративной традиции «среднеевропейского стандарта». Вместо этого наблюдается сохранность традиционной нарративной схемы, состоящей из четырех частей: зачин как смена говорящего – ориентация – события – кода. Макроструктура рассказа также в целом соответствует традиционной схеме максимально краткого изложения событий с последующим, по мере необходимости, зависящим от степени понимания адресата, циклическим добавлением ориентирующих деталей

В результате проведенного анализа в главе делается вывод о том, что социокультурная мотивированность атабаскских нарративов определяется не только лингвокультурными моделями, необходимыми для их интерпретации, но и тем, что в антропологии описывается как «устойчивость культуры» (cultural persistence). При этом имеет место:

сохранность нарративных моделей на уровне макроструктуры рассказа, структуры эпизода, коммуникативных целей, которые ставит перед собой рассказчик, его отношений с адресатом (аудиторией)

самоидентификация данной лингвокультурной и этнической общности через сохранение традиционных нарративных стратегий

относительная независимость моделей коммуникативного поведения от языкового кода; степень этой независимости определяется тем, в каком возрасте носители подверглись знакомству с англоязычной школьной традицией и в каком возрасте и в какой степени овладели письменной европейской традицией

проявление устойчивости культурных традиций и их подкрепление посредством рассказывания старшим поколением историй из личного опыта.

Глава 4. Прагматическая мотивированность виртуальной коммуникации

В данной главе лингвистические аспекты электронной коммуникации (= коммуникации в виртуальном пространстве) анализируются с точки зрения их мотивированности особенностями этого коммуникационного формата.

Принцип экономии усилий и способы преодоления семантического шума, не могут объяснить главные особенности виртуальной коммуникации, связанные со спецификой контекста в условиях данного коммуникативного канала. В главе показано, что главная особенность виртуального дискурса связана с особыми отношениями, в которых находятся получатели и отправители сообщений – теми ролями, которые они для себя выбирают. А те, в свою очередь, влияют на содержание и на языковую форму посылаемых сообщений.

Каждый акт коммуникации это уникальное сочетание фонового и текущего сознания данного отправителя с аналогичными формами сознания данного получателя в условиях конкретного контекста. С точки зрения лингвистической прагматики представление говорящего о текущем состоянии знаний слушающего включает в том числе и представление говорящего о том, как слушающий представляет в данный момент состояние знаний самого говорящего. Другими словами, это рекурсивная модель когнитивных состояний участников коммуникации. В условиях виртуального дискурса эта модель принимает весьма специфическую форму.

В главе обозначены некоторые лингвистически значимые последствия этой специфичности, мотивированные прагматикой виртуальной коммуникации. Так, множественность адресатов в электронных письмах требует ранжирования информации в зависимости от того, кому именно она предназначена, смены коммуникативного регистра и адресата в рамках одного сообщения:

Dear M., thank you for your kind letter. As a matter of fact, there is some kind of telepathy here: just yesterday, while travelling to the University of T., H. and I talked about your visit here. However, in half an hour I shall travel to A. and cannot write a proper answer now.

Therefore, I delegate the practical things to Hanna now. – H., could you please answer to M.'s questions of registration?

Главная особенность виртуального дискурса – возможность, а иногда и необходимость конструировать личность адресата, и ярче всего это проявляется в такой области, как чаты. Тот факт, что в жанре чатов возникает сказочный, фольклорный мир вымышленных героев с необычными именами и темами – *Марго, Мальчиш, синица, SweetLana* и т.п. не является добровольным, осознанным выбором участников. В значительной степени это результат игры, вынужденной отсутствием у коммуникантов реальной и актуальной когнитивной модели друг друга, так как отсутствует физический и социальный контекст. Кроме того, что имеет место вымышленность адресата, сама их множественность в условиях чата затрудняет разработку такой модели, так как поддержание коммуникации сразу с несколькими получателями не способствует более детальной разработке когнитивных моделей адресата, поскольку ведет к информационным перегрузкам. Содержанием

коммуникации является самораскрытие, что вынуждает коммуникантов к когнитивному самоконструированию и еще более полной утрате контекста.

При этом в виртуальном дискурсе видоизменяются основные параметры диалога как дискурсивного жанра: нарушается естественный порядок следования реплик, создающий связность. Реальность виртуальной коммуникации такова, что ее участники видят перед собой насильственно упорядоченную (по времени появления на экране, а не по логике обычного диалога) последовательность не связанных между собой реплик. Это одновременность, невозможная в реальном общении. Именно поэтому для того, чтобы не потерять “нить”, в чатах используются графические средства различения реплик по их принадлежности тому или иному автору (например, цвет или вид экранного шрифта). Тогда адресату легче вычленил среди множества реплик, доступных ему на экране (до 15-20), ту на которую он отвечает в данный момент, а также восстановить предыдущие реплики, составляющие линию отношений с данным коммуникантом.

Свобода самовыражения участников чата коррелирует со степенью неопределенности, доступной им. Отсутствие ограничений со стороны реального мира (даже временных, поскольку в чат можно войти в любое время дня и ночи независимо от часового пояса) может компенсироваться только ограничениями, накладываемыми непосредственно языком общения. Так, наличие грамматического рода в русском языке навязывает выбор пола при самоконструировании, а анафорические отношения однозначны только в пределах одной реплики.

В чатах размываются границы между письменным и устным дискурсивными модусами. При виртуальном общении могут моделироваться потенциально разные ситуации. Типичным для чата является такое положение вещей, когда отправитель печатает свое сообщение, видя его целиком или частично на маленьком экране. В процессе создания сообщения его можно откорректировать и только потом послать. Оно возникнет на экране получателя, где и будет находиться до тех пор, пока не вытеснится другими сообщениями. Такая ситуация подпадает под определение письменной коммуникации. Но не менее типично и другое поведение: отправитель печатает свое сообщение с очень высокой скоростью, сравнимой со скоростью говорения. Неформальный стиль общения, принятый в чате позволяет не обращать внимания на ошибки, нарушения структуры, неточности. Знаки препинания ставятся по смыслу, отражают прежде всего интонационную структуру и служат выражению оценки. Не перечитывая и не прибегая к исправлениям письменного типа, требующих возврата и зачеркивания, но используя самоисправления, характерные для устной речи, отправитель шлет свою реплику. Получатель сообщения прочитывает его и отвечает, не обращаясь более к тексту самой реплики. Такая ситуация изоморфна устной речи и в некотором приближении является ее письменной фиксацией.

Взгляд на электронный дискурс с лингвистической точки зрения демонстрирует высокую степень мотивированности его языковой формы и организации прагматикой соответствующих коммуникативных контекстов.

Глава 5. Межкультурная коммуникация как интеракция лингвокультурных моделей.

В этой главе дается краткий очерк самой области межкультурной коммуникации (далее МКК) как особого коммуникативного формата, особой разновидностью дискурсивных взаимодействий, интерес к которой вызвал бурное развитие многих школ и методов анализа в области этнолингвистики, лингвокультурологии и смежных дисциплинах. Затем производится анализ нескольких дискурсивных примеров, опирающийся на лингвокультурные модели как особые формы представления знаний. В частности, исследуются *типы ошибок в межкультурных взаимодействиях*.

В межкультурной коммуникации владение языком не гарантирует от совершения ошибок. Причем если языковые ошибки воспринимаются как таковые, а именно – как неполное знание, и потому не ассоциируются с коммуникативными намерениями говорящего, то социопрагматическим и прагмалингвистическим ошибкам, связанным с неполнотой культурно обусловленной коммуникативной компетентности, придается смысл коммуникативных намерений, и они воспринимаются как сознательные нарушения приемлемого поведения.

Опора на лингвокультурные модели позволяет интегрально подойти к различным форматам межкультурного коммуникативного взаимодействия и единым образом описать характерные для межкультурной коммуникации явления (провалы и возвраты, особенности смены говорящего и паузации, виды интерпретационных ошибок) в терминах инструментария прикладной лингвокультурологии. Это, в свою очередь, позволяет проводить кросс-культурные сопоставления различных коммуникативных жанров для тех или иных дискурсивных сообществ. В главе рассмотрены некоторые примеры анализа МКК в ее прототипическом (дискурсивное взаимодействие) и расширенном (проблемы перевода, стереотипы номинации) вариантах в терминах конструирования смысла на базе лингвокультурных моделей.

Наибольший интерес в контексте данного исследования представляют ошибки интерпретации, связанные с несовпадением лингвокультурных моделей. Это несовпадение особенно заметно, когда модели, ассоциирующиеся с некоторыми, общими для обеих лингвокультур темами («семья», «охота»), имеют однако разную структуру.⁵ При этом ошибки интерпретации могут быть связаны со следующим:

⁵ Аналогично тому, как в работах С.Г. Тер-Минасовой в качестве самых «опасных» при переводе слов рассматриваются не уникальные концепты и языковые лакуны, а пары слов с частично различающимися смыслами, например *crimson* и *багровый*

Неправильный вывод на основе данной модели (см. пример ниже).

Разница в способах детализации модели (непонимание связано с разным наполнением культурной модели СЕМЬЯ: для европейской модели важны отношения родства, в которых находятся члены семьи, для атабаскской – указания на конкретные места нахождения и проживания тех или иных членов семьи).

Разница в том, какая часть модели находится в информационном фокусе.

Пример неверного вывода:

N: I didn't want to hit him anyway .

V: it was in spring /

M: ah . in spring you can't shoot them?

V: <yeah . you can>

N: they are kind of skinny by that time . meat is no good ..

Неправильный вывод о том, почему охотник не захотел убивать медведя, опирается на имеющуюся у слушателя европейскую модель «ОХОТА», для которой актуализовано представление о запретах на охоту в зависимости от сезона, в то время как рассказчик оперирует моделью «SUBSISTENCE HUNTING», для которой крайне важным является соображение о качестве мяса.

Часть 2. Прагматическая и социокультурная мотивированность лексико-грамматических структур

Вторую часть диссертации составляют главы, в которых с точки зрения прагматической мотивированности рассматриваются уже не дискурсивные, а лексико-грамматические явления.

В отличие от прагматической мотивированности дискурса, прагматические основания грамматических категорий могут показаться менее очевидными. В языковой форме человеческий опыт уже отшлифован многократным употреблением, зафиксирован в словарных значениях и опосредован грамматическими правилами. Тем не менее, языковая форма хранит информацию об устройстве мира, о том, что понимается как норма, стандарт, что образует «идеальную», основанную на *прототипических признаках* языковую картину мира. Более того, разнообразие языковых конструкций является специальным инструментом, который в уже готовой языковой форме позволяет говорящему выражать смыслы, не соответствующие «идеальной» картине мира, но зато отражающие индивидуальный опыт говорящего, его представления, оценки, мнения, и все обстоятельства дискурсивного события. Такое понимание прагматики основывается на представлении о «коммуникативном контексте» как о систематическом, в режиме реального времени конструировании когнитивных моделей текущих, быстро меняющихся представлений и намерений собеседника.

Поэтому, во многих случаях объяснить функциональные различия грамматических конструкций без обращения к прагматике и к дискурсу просто невозможно. Главными мотивирующим факторами этих различий являются знания (представления об «идеальной» картине мира) и контексты. Первые определяют существование в языке исходных, прототипических, конструкций, чья внутренняя структура мотивирована этой картиной, вторые – не-прототипических, воспроизводимых, а также – производных конструкций, чья прагматическая функция состоит в возможности отойти от прототипических представлений, возможности, мотивированной контекстом конкретного дискурсивного события.

Так, многочисленные исследования залогов и диатез в языках показали, что выбор активной или пассивной конструкции мотивирован дискурсивными факторами, а именно способом маршрутизации информации для выбора темы в конкретной точке дискурса.

Необходимость сохранения одного и того же референта в фокусе внимания на протяжении некоторого отрезка текста является одной из причин употребления пассивных конструкций в письменном тексте. Если в языке те или иные синтаксические процессы оперируют понятием грамматикализованного фокуса внимания (топика), то пассивная деривация служит также реализации этих синтаксических процессов на уровне полипредикативной структуры. Еще в 70-ые годы прошлого века это было показано для сочинения и других процессов в языке тагалог, релятивизации в мальгашском.

Помимо собственно грамматических конструкций, прагматическая мотивация играет роль в адаптации лексико-семантических категорий при конструировании реальности, в процессах грамматикализации и в развитии грамматических категорий на основе метафорических расширений. В связи с последними двумя языковыми процессами уместно вспомнить такой аспект языковой прагматики, как центральность человеческого тела и его функций для формирования языковых смыслов – принцип *антропоцентричности языка*, или *embodiment of language* – и многочисленные работы в русле исследований метафорического базиса категорий в различных языках.

Прагматические основания категориального членения также заметны на многих уровнях языковой структуры. Важнейшее категориальное различие в «идеальной» картине мира между событиями и объектами выступает как центральное противопоставление между предикатом и его актантами в пропозициональной структуре и как противопоставление имен предикатов и имен объектов (термов), являющееся прагматическим основанием выделения частей речи. Первое находится в ведении коммуникативных функций языка, второе связано с функциями хранения информации.

Также одним из центральных в языках мира является противопоставление между типами событий, проявляющееся в виде различия конструкций, выражающих

действия, состояния, признаки. Эти различия мотивированы разницей в динамике событий, отношении ко времени, причине возникновения и отражают прототипические различия в картине мира. Соответственно, в языках существуют также и конструкции, которые позволяют выразить противопоставления по этим параметрам не в прототипическом, но в приспособленном к коммуникативным намерениям говорящего виде.

Прагматическая важность реализации языковых коммуникативных функций *воздействия на адресата* при соблюдении правил коммуникативного *взаимодействия с ним* отражается языком в конструкциях, выражающих побуждение. Разнообразие этих конструкций в языках мира мотивировано прагматикой стратегий вежливости, в основе которых лежит прагматический принцип *Контроля*.

И наконец, сама идея о том, что помимо «идеальной» картины мира существует индивидуальный человеческий опыт во множестве его проявлений, означает, что таких миров заведомо более одного. Коммуникативная функция *отношения человека к миру* реализуется множеством способов, относящихся к семантической зоне модальности. Различные модальные конструкции и другие языковые средства выражения модальности позволяют говорящему выразить свое представление о статусе описываемых событий. Главными мотивирующими признаками здесь выступают реальность или не-реальность события, возможность осуществлять прагматический контроль. Реальные события принадлежат реальному миру. Различные виды и степени ирреальности связаны с другими мирами. Прагматическая важность умения отличать совершившееся (реальное) событие от любого другого очевидна, так как только это позволяет осуществлять принцип контроля. Из этого непосредственно следует, что в коммуникативных взаимодействиях важность контроля за событиями в мире трансформируется, в частности, в необходимость контролировать степень свободы субъекта действия и степень достоверности сообщений о событиях. Язык реализует эту прагматическую потребность, в частности, посредством категории эвиденциальности, отражающей тонкие различия в степени достоверности информации.

Безусловно, что в структуре языковых категорий и конструкций можно найти еще много примеров прагматической мотивированности. Однако представляется, что обозначенные выше аспекты языка дают достаточно репрезентативную картину и могут всесторонне проиллюстрировать главный тезис Второй части диссертации о прагматической и (в каких-то случаях) социокультурной мотивированности лексико-грамматических структур.

Данная часть состоит из трех глав, в которых на материале разных языков подробно анализируются некоторые языковые явления, функционально обусловленные прагматическими факторами, которые были обозначены выше.

Глава 6. Прагматические основания выделения частей речи в языках изолирующего типа

В изолирующих языках проблема выделения частей речи (в самом общем виде – классов, возникающих на основе словарно задаваемых грамматических характеристик слов) стоит весьма остро. Отсутствие словоизменительных характеристик, скупость формальных средств выражения грамматических значений приводит к тому, что о частях речи в изолирующих языках приходится говорить как о скрытой категории. Это вызывает известные сложности при их интерпретации, но имеет и свои преимущества.

Исходя из морфологических и синтаксических критериев, невозможно полно и непротиворечиво, без логических циклов описать парадигматические классы слов как фундаментальное свойство языковой системы. В то же время, невнимание к грамматическим характеристикам, опора на лексическое значение слов приводят в рамках традиционного подхода к нежелательной подмене категорий, интуитивно ощущаемых носителем как некоторое структурное языковое единство, лексическими классами слов, число и состав которых в языке определяются крайне субъективно, а для «экзотических» языков – путем калькирования соответствующих классов языка исследователя – см. возражения против этого у А. А. Реформатского.

Выход из этого порочного круга может быть найден в отказе от взгляда на части речи как на собственно языковые одноуровневые категории. Скорее, они (по крайней мере, часть из них) являются отражением в языке концептуального членения, осуществляемого человеком по отношению к внеязыковой действительности.

Категоризация наблюдаемых явлений, структурирование поступающей информации в процессах вербализации необходимо требуют наличия в языке хотя бы минимума парадигматических классов. Это и является обоснованием тезиса о принципиальной универсальности членения на части речи. Слово «принципиальный» может пониматься двояко, но при любом понимании из «принципиальной универсальности» ни в коем случае не следует, что в каждом языке найдутся все те части речи, к которым мы привыкли в языках «европейского стандарта». Речь может идти только об универсальности противопоставления двух типов концептов, отражающих основную дихотомию человеческого восприятия действительности; концептов, соответствующих физическим объектам – Термов – и концептов, соответствующих ситуациям, в которых эти объекты участвуют – Предикатов. Ср. высказывание Сепира: «Моим отправным пунктом будет тот факт, что весь понятийный мир человека изначально разделен на две главные сферы. Одна из них, сфера глагола, охватывает состояния и события; другая, сфера существительного, охватывает предметы...».

Указанные концепты – Термы и Предикаты – могут иметь на собственно языковом уровне способы вербализации, различные как в рамках одного языка, так и для разных языков. Один из этих способов является для данного языка исходным,

мотивированным прототипическими признаками, а все другие – производными, полученными в результате лексико-синтаксических, морфологических или иных дериваций. Мотивированным способом выражения Термов служат имена существительные, мотивированным способом выражения Предикатов – глаголы.

Для языков типа бамана⁶ в интерпретации нуждается следующий набор фактов: словоизменительные характеристики лексем отсутствуют;

существует значительное число слов – исконных и наиболее употребительных – которые, обладая широкой семантикой, выступают, не меняя своей формы, то в глагольной, то в именной функции (так называемые *корневые слова*);

часть корневых слов может одновременно выступать и как полнозначные и как служебные лексемы;

наряду с корневыми словами имеются лексемы, которые употребляются либо как имена, либо как глаголы, либо как прилагательные, и их внутренняя структура ясно указывает на морфологическую деривацию от слов корневого типа;

деривация осуществляется с помощью набора суффиксов (их около двадцати) или в результате корнесложения

Традиционный подход оказывается для языка изолирующего типа неадекватным. В неявном виде классификация частей речи опирается на атрибуцию не слов бамана, а их переводных эквивалентов в других языках, хотя то, что может быть названо прилагательным, глаголом или союзом, с точки зрения языковой формы устроено в бамана иначе, чем это предполагает употребление соответствующих терминов в европейских языках.

Из производных частей речи в 6-ой главе анализируется деривационная история послелогов. Послелогов в бамана демонстрируют типичные сдвиги значений, характерные для процессов грамматикализации. Спецификой языка бамана в этой области является:

отсутствие неоднозначности получающихся конструкций благодаря синтаксическим ограничениям линейной структуры предикации

минимальность изменений языковой формы

прозрачность метафорической основы процессов грамматикализации

мотивированность грамматической метафоры центральностью соответствующих концептов в картине мира (части тела, физическое восприятие и волеизъявление)

Лексико-грамматические классы слов, традиционно называемые частями речи, представляют собой языковое воплощение парадигматической категоризации

⁶ Бамана – язык словоизолирующего типа принадлежит языковой семье манде и распространен в странах Западной Африки, в первую очередь – в республике Мали.

внешнего мира человеком. В этом смысле их прагматическая мотивированность экстралингвистическим знанием могла бы быть тривиальной, но в большинстве случаев не является таковой. В 6-ой главе на примере проблемы частей речи в изолирующем языке:

Показано, что выделение базовых, исходных, классов слов и производных классов слов опирается на разные основания.

Предложена модель описания исходных классов слов – Термов и Предикатов – как радиальных категорий, организованных вокруг прототипических признаков «объектность» и «динамизм», которые имеют непосредственную прагматическую мотивацию в противопоставлении объектов и ситуаций в реальном мире.

Предложено описание производных знаменательных частей речи как результата деривационных процессов, имеющих внутриязыковую мотивацию – центральных для данного языка характеристик простой предикации, то есть, в конечном счете, особенностей языкового строя.

Описаны процессы грамматикализации, приводящие к образованию послелогов – класса служебных слов, возникающего в результате грамматической метафоризации, мотивированной центральностью в языковой картине мира таких концептов, как части тела, физическое восприятие и волеизъявление.

Глава 7. Прагматические основания базовых конструкций и пропозициональных структур

В главе рассмотрены прагматические основания конструкций, центральных с точки зрения синтагматического, коммуникативного аспекта языка, в основе которого лежат коммуникативные намерения говорящего, реализуемые им в дискурсе. На их основе возникает речемыслительный импульс (коммуникативный импульс, взаимодействующий с активированным представлением фрагмента действительности), запускающий процессы вербализации.

Во 2-ом разделе данной главы описываются процессы образования исходных пропозициональных структур (ПС), и мотивированность получающейся в результате этого семантико-ролевой структуры прагматически релевантными свойствами актантов выбранного предиката. В 3-ем разделе рассматриваются параметры, лежащие в основе главного семантического разбиения предикатов на действия и не-действия. Им соответствуют разные исходные пропозициональные структуры.

Исходная ПС отражает типовую ситуацию в «идеальной» картине мира. В дискурсе эта структура неизбежно подвергается модификации. Эти модификации мотивированы всем множеством контекстов конкретного дискурсивного взаимодействия и реализуются как дискурсивные деривационные стратегии, приводящие к образованию производных ПС. Часть таких дериваций закрепляется в грамматике языка как *воспроизводимые* конструкции, в отличие от производимых,

или *производных*. Это одно из проявлений глобального с точки зрения всей языковой системы противопоставления хранимой и порождаемой языковой формы.

В 4-ом и 5-ом разделах главы рассмотрены не-прототипические (воспроизводимые) варианты конструкций, выражающих действия и состояния в русском языке с точки зрения мотивированности их возникновения в языке теми или иными смыслами, которые данный язык и, возможно, данная лингвокультура рассматривают как приоритетные и оформляют специальными, часто лингвоспецифичными, конструкциями. Речь идет о конструкциях типа *мне плохо спалось, его засыпало снегом, отец взбешен, они все давно в страшной тоске* и др., которые выражают состояние лица не-прототипическим, не иконическим способом. При этом специфика выражения состояния лица в русском языке в значительной степени определяется существованием особой конструкции с предикатами состояния и возможностью расширения сферы действия этой конструкции на другие предикаты. Само это расширение (примеры типа *ему легко работается*) дает обильную пищу для социокультурных интерпретаций.

В 6-ом разделе на материале глагольной деривации в сванском языке (картвельская языковая семья) рассматривается проблема производных ПС и дается подробное описание одной группы таких дериваций, приводящая к расширению и перестройке актантной структуры в производной ПС. Описываются текстоорганизующие, или дискурсивные, функции синтаксических дериваций, которые связаны с изменением актантной структуры пропозиции. Эти пропозициональные деривации имеют своим источником текущие приоритеты говорящего в конкретной точке дискурса.

Процессы пропозициональной деривации, могут приводить в том числе к следующим результатам: уменьшению числа актантов, увеличению числа актантов, изменению статуса актантов пропозиции.

В картвельских языках рассматриваемые явления традиционно описываются как множество разных грамматических процессов – образование пассива, особенности падежной кодировки в перфекте, версия. При этом еще отдельно выделяют обычную и рефлексивную версии. «Задетыми» в связи с данной проблематикой оказываются и правила субъектно-объектного согласования глагола. Помимо специальных аффиксов во все эти процессы вовлечены и так называемые характерные гласные, которые присутствуют практически в любой глагольной словоформе.

Версией (в другой терминологии – аппликативом) в сванском и в других картвельских языках принято называть деривационный механизм, позволяющий перераспределять значение описываемой ситуации между именными группами и глаголом данного предложения. Анализ соответствующих конструкций дает возможность выявить функцию, лежащую в основе действия этого механизма, и увидеть проявления той же самой функции в на первый взгляд не связанных между собой конструкциях русского языка.

Версионные преобразования вводят в актантную структуру дополнительного участника с адресатно-бенефактивным значением. Кроме изменения (по сравнению с исходной конструкцией) пропозиционального содержания, при этом также происходит перераспределение информации между предикатом и актантами. В картвельских языках, где этот процесс затрагивает морфологию глагола, информационная нагрузка на глагол увеличивается. А в функционально (но не структурно) аналогичных конструкциях европейских языков – см. "симпатетические падежи" П. Гарда в русском и "внутренний датив" (internal dative) в английском языках – уменьшается. Это, в свою очередь, предопределяет использование определенных дискурсивных стратегий – возможность опущения имён в картвельских и глагола – в русском языках.

Прагматическая мотивированность языковой формы рассмотрена в главе 7 на материале простых предикаций, реализующих исходные пропозициональные структуры для действий и состояний, на материале воспроизводимых конструкций, сигнализирующих отход от прототипического состояния, а также в рамках деривационных процессов, приводящих к образованию производных пропозициональных структур. В результате проведенного анализа были сделаны следующие выводы:

Исходные пропозициональные структуры (ИПС) служат прототипическим языковым воплощением канонических ситуаций внешнего мира и представляют собой центральный компонент «идеальной картины мира».

Устройство «идеальной картины мира» отражает важнейшие иерархии объектов, основанные на стабильных и текущих классификациях.

Форма ИПС мотивирована действием важнейших прагматических принципов (Приоритета и Маршрутизации информации) и зависит от прагматических весов участников описываемых ситуаций в канонической картине мира.

Существование производных пропозициональных структур (ППС) мотивировано наличием не-канонических ситуаций и необходимостью согласовывать измененные – по сравнению с прототипическими – прагматические веса участников этих ситуаций в дискурсе.

Воспроизводимые конструкции служат фиксации в виде готовых языковых форм не-канонических ситуаций и дополнительных смыслов, наиболее важных с точки зрения данного языка (лингвокультуры).

Лексико-грамматические процессы пропозициональной деривации рассмотрены на примере глагольных дериваций, затрагивающих актантную структуру (версионное преобразование в сванском языке).

Получающиеся ППС имеют разный статус: соответствующие предикаты могут иметь статус лексем или словоформ, однако в обоих случаях употребление

соответствующих конструкций мотивировано параметрами конкретного дискурса. Пропозициональная деривация имеет дискурсивные основания.

Глава 8. Прагматическое понятие контроля и механизмы модальности.

Функция воздействие на адресата и – опосредованно – на мир реализуется в языке в первую очередь как побудительные конструкции, а функция выражения отношения к миру – включая сюда и отношение к содержанию дискурсивного события – реализуется разнообразными и разнородными языковыми средствами, объединяемыми общим термином «модальность». Деонтический модус соответствует выражению говорящим оценок (в широком смысле) и мнений, эпистемический отвечает за оценку истинности событий и достоверности информации. Волеизъявление и его разновидность побуждение также принадлежат к деонтическому модусу. Кроме того, обе коммуникативные функции – воздействия на адресата и выражения отношения к миру – часто объединены в языках синкретическим выражением соответствующих значений в виде грамматических категорий – будь то наклонения (инъюнктив, юссив, оптатив и т.п.) или специальные конструкции, или отдельные лексемы (например, модальные глаголы). Представляется, что подобный синкретизм не только не случаен, но отражает единство прагматических оснований данных функций.

Общим для этих двух функций является понятие *Прагматического Контроля* (control, power) как отношения, в которое вступают люди и которое может существовать между человеком и внешним миром. Если исходить из представлений о введенном Э. Гоффманом социальном лице человека, которое руководствуется в своем поведении двумя противоположными тенденциями – стремлением к свободе, к тому, чтобы его действия не были ничем ограничены и, с другой стороны – стремлением чувствовать себя членом группы, поведение которого положительно оценивается другими, то понятие контроля также будет выглядеть амбивалентным.

В главе 8 конструкции, выражающие побуждение в русском языке и способы выражения эпистемической модальности в чамалинском языке, рассматриваются с точки зрения принципа Прагматического Контроля, мотивирующего реализацию соответствующих коммуникативных заданий конкретно-языковыми средствами.

Сначала во 2-ом разделе вводится понятие Прагматического Контроля, которое используется для описания различий побудительных конструкций. В 3-ем разделе дается краткий обзор основных противопоставлений в сфере модальности, и затем в 4-ом разделе – очерк одного фрагмента модальных противопоставлений в области эвиденциальности.

В прототипической ситуации вербального побуждения контроль проявляется в возможности субъекта побуждения влиять на свободу воли побуждаемого, вызывая

некоторое действие с его стороны. Понятие прагматического контроля не синонимично условиям успешности иллокутивного акта директива. Условия успешности, в частности, предполагают, что говорящий должен считать, что действие, которое он побуждает адресата совершить, выполнимо или что данный адресат в состоянии его выполнить, или что оно не наступит само без усилий адресата. Из этого следует, что понятие прагматического контроля, во-первых, шире, чем условия успешности, и во-вторых, не зависит от пропозиционального содержания дискурсивного события.

Эта разновидность прагматического контроля связана с оценкой говорящим не положения дел в мире, но с оценкой его права на определенное коммуникативное поведение в отношении адресата и потому может быть названа *коммуникативным контролем* (КК). Так, известные выражения типа *Повелеваю вам чихнуть* или *Солнце, взойди!* не могут считаться по этим критериям успешными директивами, но они вполне совместимы с представлением о коммуникативном контроле.⁷

КК определяется сугубо прагматическими факторами, причем как дискурсивными, зависящими от контекста конкретного коммуникативного взаимодействия, в первую очередь – соотношения индивидуальных и социальных статусов коммуникантов (но также и всех остальных условий данной коммуникативной ситуации), так и от знаний о мире, о конвенциях коммуникативной ситуации (выступление, экзамен, допрос и т.п.), предопределяющих "расстановку сил" для побуждения. При этом в число этих факторов входят и знания о том, что Браун и Левинсон описывают в терминах тяжести угрозы, социальной дистанции, иерархии власти (*rate of imposition, distance, power*).

Степень коммуникативного контроля зависит от степени "авторитетности" данного говорящего в глазах данного адресата. Чем выше авторитетность, тем полнее контроль и тем меньше должен говорящий считаться со свободой воли адресата, тем меньше он воспринимает его как отдельную, автономную личность. Если побудительные высказывания русского языка иерархизировать по степени КК, то можно увидеть, что на получившейся шкале коммуникативный контроль иконически

⁷ Помимо коммуникативного контроля в лингвистике, в частности в области предикатной семантики давно используется понятие контроля со стороны исполнителя действия за ситуацией, описываемой пропозициональной структурой. Такой контроль можно назвать *пропозициональным контролем* (ПК). Этот вид контроля предполагает то, что субъект является инициатором события, что он прикладывает усилия для его осуществления, контролирует результирующее состояние, в первую очередь, объекта воздействия и инструмента. Понятие контроля в этом смысле используется в различных иерархиях агентивности как одно из свойств, которыми должен обладать актанта, чтобы получить агентивный статус и чтобы данная ситуация могла считаться агентивным процессом или действием. Термин "контроль" в этом понимании введен в русскоязычный научный оборот Т.В. Булыгиной

отражается в форме побудительных конструкций, а именно – в степени выраженности в них личности адресата:

Обозначение адресата побуждения нулевой или не-нулевой ИГ.

Употребление инфинитива или финитного глагола с лично-числовыми показателями, относящимися к адресату.

Употребление не-глагольных предикативных форм, отрицания, других компонентов, включающих в свое толкование апелляцию к адресату.

Ср. Вы не могли бы немного подождать? Я вас (по)прошу подождать. Подождите. Стоять! Сюда! Ваш ход! Ни с места!

В модальных конструкциях прагматический контроль находит свое выражение в возможности или невозможности переноса личной модальной оценки говорящего внутрь диктумной части, что тем самым, приводит к приписыванию этой оценки деятелю. Максимальный контроль соответствует употреблению модальных модификаторов сказуемых типа *должен/может*, поскольку сказуемое наиболее тесно связано с деятелем (который в стандартном случае выражен подлежащим) посредством лично-числового согласования. Если считать, что контекст вводного слова (фразы) ограничивает эпистемическое выражение модальности как оценки говорящим возможности / необходимости наступления ситуации, то эти употребления отражают его минимальный прагматический контроль.

Промежуточная степень прагматического контроля может манифестироваться в употреблении полипредикатных конструкций безличного вида: *необходимо, чтобы P / возможно, чтобы P*. Безличные употребления в русском языке дают говорящему дополнительный инструмент самоустранения, при этом оценка не приписывается самому субъекту **P**, но объективизируется отнесением ее на счет некоторого неидентифицируемого субъекта, а точнее – обстоятельства внешнего мира.

Аналогичные стратегии, приводящие к разнообразию модальных конструкций, мотивированных разницей в прагматическом контроле со стороны говорящего, имеют место в языках совсем иного типа. В дагестанских языках модальности долженствования и возможности в POSSIBILITY- и ABILITY-значении выражаются с помощью конструкций с предикатным актантами. В эргативном, высоко-семантическом языке, каковым является табасаранский язык, падежно-ролевое оформление этих конструкций, а также классное и частично лично-числовое согласование модального предиката идет либо по именной составляющей включенной предикации (=предикатного актанта) либо по «нейтральному» предметному классу, что соответствует употреблениям личных и безличных модальных конструкций, а также модальных конструкций состояния лица в русском языке: *она должна // ей нужно уехать VS нужно, чтобы она уехала*

Табасаранский язык:

1. daden baj ark'unu gunduv

мать:ГЕН сына:НОМ помыть:ДЕЕП необходимо
 ‘матери нужно помыть сына’
 2. dadaji baj ark'unu gunduv
 мать:ЭРГ сына:НОМ помыть:ДЕЕП необходимо
 ‘необходимо, чтобы мать помыла сына’

Прагматический контроль в отношении эпистемического модуса можно продемонстрировать на разнице выражения соответствующих модальных значений в русском и чамалинском (нахско-дагестанская семья) языках. В русском языке эпистемический модус манифестируется употреблением предикатов пропозициональной установки, выражающих различные оттенки знания и мнения. Логико-семантический аспект этой проблематики огромен, что понятно, если принять во внимание его прагматический аспект: для коммуникантов чрезвычайно важно все, что связано со степенью надежности или достоверности информации, источником ее получения, способами ее переработки. Также эти, часто лингвоспецифичные, механизмы, конкретно-языковые способы отражения тех или иных эпистемических противопоставлений представляют интерес и для описания в рамках типологически ориентированного подхода.

В русском языке различные модальные значения, относящиеся к данному модусу, выражаются с помощью специальных предикатных лексем. Другой способ языковой кодировки такого рода модусных противопоставлений может быть продемонстрирован на материале чамалинского языка (гигатлинский диалект), где в этой функции выступают различные маркеры глагольной словоформы, взаимодействие которых в рамках одной лексемы дает богатую палитру модальных противопоставлений по эвиденциальности.

Основные результаты анализа прагматических механизмов, мотивирующих формальные и семантические противопоставления побудительных конструкций (деонтический модус) и конструкций, выражающих «собственно модальные значения» (эпистемический модус):

Побудительные конструкции служат прототипическим способом выражения коммуникативной функции воздействия на Адресата; модальные конструкции передают комплексы значений, в центре которых выражение отношения Говорящего к миру, в том числе – к информации о мире.

Прагматическим механизмом, мотивирующим выражение функций воздействия на Адресата, взаимодействия с Адресатом и выражения отношения к миру и информации, выступает принцип Прагматического Контроля.

Прагматический контроль может выступать как контроль пропозициональный (ПК) и коммуникативный (КК). Коммуникативный контроль представляет собой мнение говорящего о его праве на определенное коммуникативное поведение в

отношении Адресата в ситуации конкретного коммуникативного взаимодействия. Пропозициональным является контроль со стороны исполнителя действия за ситуацией, описываемой пропозициональной структурой.

Контроль – это признак, имеющий шкальную структуру. Можно говорить о полном, частичном и минимальном контроле со стороны говорящего.

Побудительные высказывания могут быть иерархизированы по степени КК, и на получившейся шкале коммуникативный контроль иконически отражается в степени выраженности в конструкции личности Адресата и коррелирует со степенью конвенциализованности побудительных выражений.

Для различных языков прагматически важным является не умение отличать необходимость от возможности (приоритетное логическое противопоставление), но различие типов возможности и необходимости по модусам – эпистемическому и деонтическому.

В конструкциях, выражающих модальные значения, имеют место кластеры модусных признаков. Различия между конструкциями мотивированы степенью прагматического (ПК и КК) контроля со стороны Говорящего. Его степень находит свое выражение в возможности или невозможности переноса личной модальной оценки говорящего внутрь диктумной части и приписывания этой оценки деятелю.

В дагестанских языках различные сочетания модальных значений и степеней прагматического контроля говорящего мотивируют разные варианты падежно-ролевого оформления, классного и лично-числового согласования модального предиката: с именной составляющей включенной предикации (=предикатного актанта) или по «нейтральному» предметному классу. В русском языке это соответствует употреблению личных и безличных модальных конструкций, а также модальных конструкций состояния лица.

Для противопоставлений внутри эпистемического модуса очевидные предпочтения в разных языках отдаются эксплицитному маркированию тех случаев, когда информация о мире поступает в вербальной форме от другого человека. В этом случае степень прагматического контроля для получателя этой информации минимальна.

В чамалинском языке для выражения степеней прагматического контроля в глагольной словоформе существует специальный «модальный довесок», состоящий из трех позиций и позволяющий выразить сложные сочетания признаков по параметрам эвиденциальности, иллокутивной силы, степени прагматического контроля внутреннего локутора.

Заключение

Прагматика не представляет собой отдельного языкового уровня, такого как морфология, синтаксис, дискурс. Явления, традиционно относимые к прагматике, не могут восприниматься как «единицы» прагматического уровня – в частности, из-за их

неоднородности. Тем не менее, и для прагматики можно говорить о смыслообразующих понятиях *знаний* и *контекста*. Для интерпретации дискурса коммуниканты существенным образом опираются на разнообразные знания и контексты, демонстрируют коммуникативную компетенцию. В диссертации мотивированность языковой формы в дискурсе и в структуре языка была продемонстрирована механизмом, соответственно, дискурсивных стратегий и дериваций в рамках языковой структуры. Композиционно это отражено в структуре диссертации в виде двух ее частей – дискурсивной и лексико-грамматической.

В Первой части на примере диалогического дискурса (газетные интервью и обучающие диалоги между преподавателем и учеником) была продемонстрирована прагматическая потребность согласования таких коммуникативных функций, как функции получения информации и функции взаимодействия с адресатом. Эта прагматическая потребность приводит к модификации исходной прототипической структуры прямых вопросов и ответов в высказывания более сложной структуры с помощью дискурсивных стратегий. **Дискурсивные стратегии позволяют сделать коммуникацию более успешной и эффективной для каждого типа дискурсивных взаимодействий.**

В результате анализа личных рассказов молодых москвичей об опасном событии в их жизни были выявлены лингвокультурные модели, на фоне которых происходит реализация дискурсивного события «рассказ об опасности». **Социокультурная мотивированность языкового оформления личных рассказов определяется содержанием соответствующей лингвокультурной модели.** Для рассказов об опасном событии это представления о нарушении нормального порядка вещей, которые иконически отражаются в формальных признаках данного дискурсивного жанра.

В диссертации было показано, что **сохранность нарративных моделей** на уровне макроструктуры рассказа, на уровне структуры эпизода и коммуникативных целей, которые ставит перед собой рассказчик, его отношений с адресатом (аудиторией) **служит важным индикатором самоидентификации данной лингвокультурной и этнической общности и проявлением культурной устойчивости.** При этом имеет место относительная независимость моделей коммуникативного поведения от языкового кода.

В последних двух главах дискурсивной части диссертации было продемонстрировано, что прагматическая мотивированность языковой формы зависит и от особых условий коммуникативного взаимодействия – коммуникационного формата.

Так, для некоторых жанров формата электронной коммуникации таких, как чаты, обуславливающими факторами служат размытость границ между категориями устного и письменного модуса дискурса и минимальность представлений о личности адресата.

Для межкультурных взаимодействий в формате межличностной коммуникации прагматическая мотивированность является социокультурной, и интерпретация происходит как взаимное отлаживание соответствующих лингвокультурных моделей.

Результаты, полученные во Второй, лексико-грамматической, части диссертации носят более мозаичный характер. Это связано с тем, что **в языковой структуре прагматическая мотивированность в каждом конкретном случае выступает как результат деривационных процессов, имеющих внутриязыковое обоснование. Эти процессы опираются на центральные для данного языка характеристики простой предикации, то есть зависят от особенностей языкового строя.**

Лексико-грамматические классы слов, традиционно называемые частями речи, представляют собой языковое воплощение парадигматической категоризации внешнего мира человеком. Для исходных классов – Термов и Предикатов – она воплощается в радиальных категориях, организованных вокруг прототипических признаков «объектность» и «динамизм», которые имеют **непосредственную прагматическую мотивацию в противопоставлении объектов и ситуаций в реальном мире.** Деривации внутри языковой структуры, приводящие к образованию классов служебных слов, являются следствием **грамматической метафоризации, мотивированной прагматическим принципом антропоцентризма языка** и центральностью таких концептов, как части тела, физическое восприятие и волеизъявление, в языковой картине мира.

Представление о канонических ситуациях в языковой картине мира является прагматической мотивацией существования исходных пропозициональных структур (ИПС), и иерархий признаков объектов, основанных на стабильных (в картине мира) и текущих (имеющих дискурсивные основания) классификациях. ИПС мотивирована действием важнейших прагматических принципов (Приоритета и Маршрутизации информации) и зависит от прагматических весов участников описываемых ситуаций в канонической картине мира. **Существование производных пропозициональных структур (ППС) мотивировано наличием не-канонических ситуаций и необходимостью согласовывать измененные – по сравнению с прототипическими – прагматические веса участников этих ситуаций в дискурсе.** Пропозициональная деривация имеет дискурсивные основания.

Прагматическим механизмом, мотивирующим реализацию функций воздействия на Адресата, взаимодействия с Адресатом и выражения отношения к миру и информации, выступает принцип Прагматического Контроля. Прагматический контроль может выступать как контроль пропозициональный (ПК) и коммуникативный (КК). Коммуникативный контроль представляет собой мнение говорящего о его праве на определенное коммуникативное поведение в отношении Адресата в ситуации конкретного коммуникативного взаимодействия. Пропозициональным является контроль со стороны исполнителя действия за

ситуацией, описываемой пропозициональной структурой. Коммуникативный контроль иконически отражается в степени выраженности в конструкции личности Адресата и коррелирует со степенью конвенционализированности побудительных выражений. **В сфере модальности для различных языков прагматически важным является не отличие необходимости от возможности (приоритетное логическое противопоставление), но различие типов возможности и необходимости по модусам – эпистемическому и деонтическому – мотивированное локусом и типом прагматического контроля.** Для противопоставлений внутри эпистемического модуса очевидные предпочтения в разных языках отдаются эксплицитному маркированию тех случаев, когда информация поступает в вербальной форме от другого человека. Последнее мотивировано тем фактом, что в таком случае степень прагматического контроля для получателя этой информации минимальна.

Прагматическая мотивированность языковой формы и ее возможные типы представляют собой широкое поле для анализа, классификаций и типологий. В данной диссертации типологизация опиралась на два параметра:

О какой языковой форме идет речь – дискурсивные стратегии, языковые категории, грамматические конструкции.

Какой прагматический механизм используется для мотивации – универсальные прагматические принципы человеческого поведения, базовые универсальные представления об устройстве мира, лингвокультурные модели, модели коммуникативных взаимодействий, условия конкретного коммуникативного взаимодействия.

Если минимизировать эти параметры до бинарных оппозиций и сформулировать их в терминах центральных дихотомий языка, то речь пойдет о противопоставлении **коммуникативного процесса и языковой структуры** – для первого параметра, и **хранимых и конструируемых** значений – для второго. Соответственно, различным проявлениям прагматической мотивированности могут быть, с известной долей условности, сопоставлены комбинации значений этих параметров:

	Конструируемые значения (текущие противопоставления)	Хранимые значения (стабильные классификации)
Коммуникативный процесс	Дискурсивные стратегии в информационном диалоге (Гл. 1)	Нелексикализованная пропозициональная деривация (Гл. 7)
	Конструирование Адресата в виртуальной	Социокультурные

	коммуникации (Гл. 4)	модели нарративов (Гл.2, 3) Ошибки контекстуализации в межкультурных взаимодействиях (Гл. 5)
Языковая структура	Распределение модальных слов по модусным значениям (Гл. 8) Лексикализованная пропозициональная деривация (Гл. 7)	Категоризация по частям речи (Гл. 6) Конструкции, реализующие ИПС (Гл.7)

Эта таблица носит иллюстративный характер, поскольку построение настоящей типологии прагматической мотивированности – в том числе и с учетом противопоставлений по различным языкам и языковым типам – дело будущего. Однако обращение к этой проблематике и постановка такой задачи необходимы, если исходить из того, что лингвистическое описание мотивировано тремя **К** современного подхода к языку – **К**огнитивного, **К**оммуникативного, **К**ультурно-обусловленного.

По теме диссертации опубликованы следующие работы

А. Участие в коллективных монографиях:

К проблеме подлежащего в некоторых русских инфинитивных конструкциях.
В.С. Храковский (ред.). Типология конструкций с предикатными актантами.
Ленинград: Наука, 1985 – **0,6 п.л.**

Прагматический принцип Приоритета и его отражение в грамматике языка.
Моделирование языковой деятельности в интеллектуальных системах. Ред. А.Е.
Кибрик, А.С. Нариньяни. Москва: Наука, 1987. 1 п.л. (совместно с А.Е. Кибриком)
\\ \ вклад автора – **0,5 п.л**

Проблема контроля в побудительных высказываниях. Функционально-
типологические аспекты анализа императива: Часть 2. Семантика и прагматика

повелительных предложений. Ред. Л.А.Бирюлин, В.С. Храковский. Москва, 1990 – **0,5 п.л.**

Повелительные предложения в языке бамана. Типология императивных конструкций. Ред. В.С. Храковский. Санкт-Петербург, 1992 – **1 п.л.**

Проблема частей речи в изолирующем языке. Типология частей речи. Ред. В.М. Алпатов. Москва: Наука, 1990 – **1 п.л.**

The System of Switch-Reference in Tuva: Converbial and Masdar-Case Forms. Converbs in Cross-Linguistic Perspective. M.Haspelmath & E.Koenig (eds.). Berlin: Mouton de Gruyter, 1995, pp 373-414 2 п.л. (совместно с А.А. Кибриком) \\\ вклад автора – **1 п.л**

Imperative Constructions in Bamana "Typology of Imperative Constructions". Ed. V.Khrakovskij. (Transl. from Russian). LINCOM EUROPA. 2001 – **0,9 п.л.**

Б. Научные статьи:

Проблемы описания многозначной лексики в автоматическом словаре. Научно-техническая терминология, N7. Москва, 1985 – **0,4 п.л.**

О взаимодействии лексического и грамматического значений в лексике изолирующего языка. Лексикология и словообразование африканских языков: Публикации кафедры африканских языков ИСАА. Москва: МГУ, 1988 – **0,5 п.л.**

La derivation des constructions verbales et la categorie transitivite/intransitivite en bambara. Mandenkan: Bulletin semestriel d'etudes linguistiques mande, #22. Paris, 1991. – **1 п.л.**

Conditional constructions in Bambara. Languages of the world, #2, 1992. **1 п.л.**

Состояние лица в русском языке. Язык, Африка, Фульбе. Москва – Санкт-Петербург: Европейский дом, 1998 – **0,6 п.л.**

Образовательные и научные обмены в свете теории и практики межкультурной коммуникации, или почему у стажеров-исследователей не бывает культурного шока. Профессионалы за сотрудничество. Т. 2. Москва: Янус-К, 1998. Сс.287-310. – **1,2 п.л.**

Версия в сванском языке и ее аналоги в русском синтаксисе. Типология и теория языка: От описания к объяснению. Москва: Языки русской культуры, 1999. – **1,4 п.л.**

Когнитивные механизмы через призму практического овладения языком. Вестник МГУ. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. #1, 1999. – **1 п.л.**

Межкультурная коммуникация как исследовательская программа: лингвистические методы исследования кросс-культурных взаимодействий. Вестник МГУ. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. №4, 2001. – **1 п.л.**

Языковые аспекты виртуальной коммуникации. Вестник МГУ. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. №1, 2002. – **0,6 п.л.**

Russian cultural values and workplace communication styles. Коммуникативные исследования 2003: Современная антология / Под ред. проф. О. А. Леонтович. – Волгоград: Перемена, 2003. сс. 97 – 112. – **0,7 п.л.**

Дискурсивные жанры, типы дискурсивных сообществ и форматы межкультурной коммуникации. Материалы международной школы по лингвистической типологии и антропологии. Ереван, сент. 2005 г. Москва: изд-во РГГУ. 2005 г. – **0, 5 п.л.**

Межкультурная коммуникация: вопросы теории и практики. (Проспект учебного пособия). Вестник МГУ. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. №3, 2005. **0, 9 п.л.**